

известной степени деревенская идиллия; но идеализация настолько незначительна, — как мы знаем по опыту тех «интеллигентов», которые действительно селились в деревне и вели себя по отношению к крестьянам как равные к равным, — что идиллия близко соприкасается с действительностью.

В заключение следует упомянуть еще некоторых беллетристов-народников. К ним можно причислить Л. Мельшина (род. 1860) — псевдоним ссыльного П. Я., отличающегося также поэтическим дарованием; отбыв двенадцать лет каторжных работ в Сибири как политический преступник, он издал два тома очерков из жизни каторжан, «В мире отверженных», и в некоторых отношениях это произведение может быть поставлено на ряду с «Записками из мертвого дома» Достоевского; С. Елпатьевского (род. 1854), также ссыльного, давшего ряд очерков из сибирской жизни; Нефедова (1847—1902), этнографа, который, помимо ценных научных работ, дал ряд превосходных очерков из фабричной и деревенской жизни; его произведения отличаются глубокой верой в неистошимый запас энергии и пластическую созидательную силу крестьянства; и многих других. Каждый из упомянутых нами писателей заслуживал бы более обширного очерка, так как произведения их в той или иной степени послужили к уразумению положения того или иного класса населения или способствовали выработке форм «идеалистического реализма», который наиболее подходит для изображения типов, взятых из среды трудящихся масс, и который позднее был причиной литературного успеха Максима Горького.

Максим Горький

Не многим писателям удалось добиться литературной известности с такой быстротой, как Максиму Горькому. Его первые очерки (1892—1895) были напечатаны в малораспространенной кавказской газете и оставались совершенно неизвестными в литературных кружках; но когда один из его рассказов появился в широко распространенном журнале, одним из редакторов которого был Короленко, то Горький немедленно обратил на себя общее внимание. Красота формы, художественная законченность и новая нота силы и вызова, звучавшая в рассказе, сразу выдвинули молодого писателя. Вскоре сделалось известным, что «Максим Горький» — псевдоним сравнительно молодого человека А. Пешкова, родившегося в большом приволжском городе, Нижнем Новгороде, в 1868 году. Отец его был мещанин, по ремеслу обойщик; мать его — замечательная женщина, также из семьи ремесленников, — умерла молодой, и мальчик попал на воспитание к родственникам матери. Детство Горького было не из счастливых: в девятилетнем возрасте его отдали «в мальчики» в магазин обуви, но месяца через два он обварил себе руки кипящими щами и был отослан хозяином вновь к деду. По выздоровлении его отдали в ученики к чертежнику, дальнему родственнику, но через год, вследствие очень тяжелых условий жизни, Горький убежал от него и поступил на пароход в ученики к повару, который оказался очень начитанным человеком и приучил самого Горького к чтению. Позднее Горькому приходилось работать в качестве пекаря, уличного носильщика, продавать яблоки на улицах и т. д., пока наконец не попал писцом к адвокату. В 1891 году он странствовал пешком с бродягами по южной России и во время этих странствований написал несколько рассказов, из которых один был помещен в одной кавказской газете. Рассказы Горького были замечательно хороши, и когда в 1900 году они были изданы в четырех небольших томах, все издание разошлось в очень короткое время, и имя Горького заняло место, если говорить только о современных русских беллетристах, в ряду с Короленко и Чеховым, непосредственно после Льва Толстого. В Западной Европе и Америке его известность распространилась с такой же быстротой, как только некоторые из его очерков были переведены на французский и немецкий языки, с которых они, в свою очередь, были переведены по-английски.

Достаточно прочесть некоторые из рассказов Горького, как, например, «Мальва», «Челкаш», «Бывшие люди» или «Двадцать шесть и одна», чтобы сразу понять причины его быстрой популярности. Мужчины и женщины, описываемые Горьким, вовсе не герои: это самые обыкновенные бродяги и босы; и сами произведения Горького нельзя назвать повестями в собственном смысле этого слова: это — лишь очерки, картинки жизни. И несмотря на это, во всемирной литературе, включая рассказы Мопассана и Брета Гарта, найдется мало произведений, в которых читатели нашли бы такой тонкий анализ сложных и борющихся между собою человеческих чувств; такие интересные, оригинальные и новые характеры, так хорошо обрисованные, и человеческую психологию, так искусно переплетенную с фоном природы — спокойным морем, угрожающими волнами или бесконечной, сожженной солнцем степью. В первом из названных нами рассказов вы действительно видите косу, врезавшуюся в «смеющееся море», на которой рыбак устроил свой шалаш, и вы понимаете, почему Мальва, которая любит